

«... О ЛЮДЯХ, С КОТОРЫМИ РАБОТАЛА В БИБЛИОТЕКЕ ИМ. К. МАРКСА»

Годы сороковые

Василий Владимирович ВЕЙЦМАН

Вейцмана я до войны не знала и не слышала о нем. Думаю, что он был из комсомольских, а впоследствии партийных, работников, — и к библиотечному делу не имел отношения. Не знаю я его биографии, семьи, личной жизни. Могу рассказать только то, что видела, слышала, наблюдала за те три года (1944-1947), когда работала с ним в библиотеке.

Государственная научная библиотека им. К. Маркса — так она тогда называлась, а в сущности это была областная (одно время — краевая) библиотека, выполнявшая соответствующие функции: обслуживание литературой научных работников города и методическое руководство библиотеками области (края).

Знаю (слышала), что Василий Владимирович вернулся из эвакуации в освобожденный Ростов в феврале 1943 года вместе с частями Красной армии, по льду Дона. Служить в армии он не мог, так как был хромым (похоже, что с детства — может быть, туберкулез, не знаю, спрашивать никого не решалась). Нужда в работниках была огромная, и, несмотря на поднимаемый уже голову антисемитизм, его назначили директором областной библиотеки.

Думаю, что библиотечное дело он знал мало, но взялся за работу с присущей ему энергией и самоотдачей. Одной из первых задач было восстановление или создание заново работоспособного квалифицированного коллектива. Людей, работавших при немцах и ничем себя не скомпрометировавших, как, например, Лидия Яковлевна Горцева, а также оставшихся в Ростове, но по тем или иным причинам не работавших в библиотеке (как Юлия Эдуардовна Масальская), он привлекал и привлекал, разыскивая повсюду специалистов, возвращавшихся из эвакуации. При мне это были: Евгения Атабеевна Кессених, Моисей Вульфович Рабинович, Евгения Исааковна Гинзбург, Бася Элеазоровна Уздина и другие. Судя по должностям, которые они занимали, а также по моей первой встрече с ним, он старался, чтобы каждый работал, так сказать, на своем месте. Так, уже не очень молодая, но совершенно обаятельная, в высшей степени интеллигентная, образованная Евгения Атабеевна Кессених заведовала абонементом для научных работников. Общительная, жизнерадостная Евгения Исааковна Гинзбург работала на общем абонементе. Пришедшая в библиотеку из школы Ривочка Лейбович стала заведующей читальным залом для молодежи.

Не могу припомнить, на какой должности числился Моисей Вульфович Рабинович, но у Вейцмана хватало ума и самокритичности, чтобы советоваться с ним по всем вопросам библиотечного дела, используя его опыт и огромную популярность среди библиотекарей города.

Разыскивая нужных людей для библиотеки, он не ждал, чтоб они пришли сами, а активно вытаскивал их отовсюду. Приведу два известных мне примера: себя и Зинаиду Семеновну Муратову.

Я вернулась из эвакуации в Ростов в сентябре 1944 г., вернулась, хотя уезжала я в эвакуацию из Харькова, где жила перед войной с мужем. Но в Харькове меня никто не ждал: муж был в армии; институт, в котором он работал и которому принадлежала квартира, в которой мы жили перед войной, был реорганизован, да и находился он за городом, так что жить мне там было негде. Библиотечные связи были утеряны. А Ростов оставался для меня родным городом, где я училась, много лет работала в библиотеках и куда уже начали возвращаться друзья и знакомые, в том числе и по библиотечной работе. Узнав, что вернулись Рабиновичи, Моисей Вульфович и Мария Львовна, я написала сестре, которая вернулась раньше меня, чтобы она разыскала их и попросила прислать мне вызов на работу.

Без вызова приехать было нельзя. Она пришла в отдел культуры¹ и спросила, где ей найти Рабиновичей. Работник (может быть, заведующий?) отдела, узнав, кто она и зачем пришла, сказал, что ей нужны не Рабиновичи, а он — Моисей Абрамович Штейн², и он немедленно пошлет мне вызов, что и сделал. Когда я приехала и пришла в отдел, я опять же встретила Штейна и сказала, что хочу работать только в библиотеке. На что он мне ответил, что, посылая вызов, надеялся оставить меня в отделе, где очень нужны работники, но если я хочу в библиотеку, пусть так и будет: "А мне, — прибавил он, — все равно, я завтра уйду в армию".

На следующий день, в полуразрушенный подвал почти на другом конце тогдашнего Ростова, где я остановилась у своей двоюродной сестры, явились Штейн с Вейцманом, чтобы предложить мне работу в библиотеке у Вейцмана. Дома они меня не застали, и знакомство мое с Василием Владимировичем состоялось уже на следующий день в его кабинете. Он меня спросил, где я хочу работать, и, зная от Штейна, что в Ростове я работала в детских библиотеках, почти извиняясь, сказал, что место зав. читальным залом для молодежи уже занято. "Вы, наверно, хотите в отдел библиографии?" — спросил он меня, почти с тяжелым вздохом. Каково же было его изумление и даже радость, когда ответила, что предпочла бы отдел обработки. Дело в том, что незадолго до этого умер зав. отделом обработки; ведущий работник отдела — Горцева — от заведования категорически отказывалась, и никого на это место найти не могли. Заведования я, конечно, испугалась, и стала объяснять, что у меня почти нет опыта; я несколько месяцев проработала в отделе обработки Харьковского университета на редактировании описаний для каталога; а кроме этого, да еще большой любви и интереса к этой области работы, у меня за душой ничего не было. Но он стал меня уговаривать, а это он умел, да и выбирать мне особенно было не из чего, и пришлось согласиться. Впоследствии я об этом не пожалела, да, кажется, и он тоже.

Второй пример — Зинаида Семеновна Муратова. Узнав от Рабиновича, да и от других, что существует такой замечательный работник: библиотекарь, методист, педагог, и что она во время эвакуации попала в глухое грузинское село, из которого ей самой не выбраться, он организовал командировку в Грузию библиотекаря из другой системы. У Антонины Дмитриевны Севастьяновой (Павлицкой) в Грузии служил в армии сын, и она с радостью отправилась туда, повидалась с сыном и привезла Зинаиду Семеновну, ученицей которой была много лет. Зинаида Семеновна заведовала методическим кабинетом для детских библиотек, а Антонина Дмитриевна заведовала одной из этих библиотек.

Приехав, Зинаида Семеновна сразу же возглавила методический отдел библиотеки и повела работу с присущим ей блеском и энтузиазмом.

Таким образом, Василий Владимирович, как хороший хозяин, отовсюду собирал нужные кадры, добивался расширения штатов и мало-помалу выводил библиотеку из разрухи на уровень одной из лучших областных библиотек Союза. В те годы по масштабу работы, по объему фондов с нами соревновалась только Свердловская областная библиотека. Но ведь она не пережила оккупации, у нее не сгорел весь фонд периодики, фонд иностранной литературы. Сразу же скажу, что с уходом Вейцмана работа библиотеки стремительно полетела вниз и очень скоро ее затмили Краснодарская краевая библиотека с энергичным директором Семеном Ерофеевичем Ивановым.

Как человек, по моим впечатлениям, Вейцман был характерным представителем "комсомольцев 20-х годов". Работа, которой он в данный момент занимался, на которую его "послала партия", была самым главным в жизни, перед ней отступало все остальное. Конечно, немало было в этом и личного честолюбия, но трудился он буквально самоотверженно. Такого же отношения он требовал и от работников, доходя до смешного, до

¹ Может быть, он назывался тогда иначе, не ручаюсь за точность.

² Кстати, Штейн был основателем и многолетним директором Ростовского библиотечного техникума.

самодурства. Помню, как он не отпустил меня в рабочее время в военкомат, где семьям военнослужащих давали талоны на ткани. "Пойдете после работы". При этом он прекрасно знал, что я эти часы тут же отработаю, что одежда мне крайне необходима³, с что после работы выбор будет уже не тот, а может быть и совсем ничего не будет. Но работа - прежде всего! Недаром Лидия Яковлевна Горцева, услышав о восстановлении ежегодных отпусков после войны, воскликнула: "Как Вейцман это переживет! "Его" работник будет гулять, а не работать в библиотеке!"⁴

В то же время он, сколько мог, заботился о нуждах коллектива: достал участок земли под коллективный огород (и сам работал на нем, наряду с другими); для ведущих работников — прикрепление к какому-то распределителю (довольно жалкому); организовывал поездку завхоза библиотеки куда-то в станицы за живой рыбой; в лето 1947 года, очевидно, используя старые дружеские связи, получил для детей сотрудников места в пионерлагере молочного завода; добыл какой-то материал на "форменную" одежду для сотрудников. Особенно мне запомнилось, как мы с ним (я тогда уже была председателем месткома) организовали премирование детей сотрудников библиотеки, с отличием окончивших учебный год. Таких оказалось 5 человек: мой сын — первоклассник, дочка Вейцмана чуть постарше (не помню точно), две девочки постарше — одна дочка библиотекаря—Иветта Черняк, другая— дочка уборщицы Магда (фамилии не помню), не помню и пятого; но что было их пять —это точно. Дело в том, что на каждого отличника приходилось 50 рублей (!). Но что можно было купить в те годы на эти деньги, да еще, чтобы это было пригодно для всех. И деньги раздали родителям; каждая мать купила, что нашла нужным и возможным: старшим девочкам матери купили чулки; что купили двум другим — не помню. А я отдала свои 50 рублей сотруднице, которая соорудила моему сынишке почти "взрослый" костюм из военной формы (х/б), оставленный отцом, приехавшим незадолго до этого в отпуск из армии.

Но... подарки, вернее, премии вручались в торжественной обстановке, в кабинете директора, от имени дирекции, парткома и месткома, с соответствующими речами, пожеланиями и проч. И какой это был восторг, какая радость! Мой сын в ростовскую июньскую жару тут же облачился

в новый костюм и не снимал его, кажется целый день.

Устраивались и вечера по праздничным дням, с угощением в складчину, с шуточными представлениями, частушками и даже танцами. Немало доставалось при этом и директору, что при его самолюбии вряд ли доставляло удовольствие.

Лидия Яковлевна ГОРЦЕВА Юлия Эдуардовна МАСАЛЬСКАЯ

Несколько слов хочется сказать об этих великих труженицах библиотеки. За три года, что я проработала вместе с ними, я мало, что узнала об их личной жизни, о жизни вне работы. К сожалению, я всегда стеснялась обращаться с подобными расспросами. Поэтому могу сказать только об их работе и жизни на работе. Как мне кажется, обе они всю жизнь проработали в одном месте— в библиотеке им. К.Маркса, как ни менялось ее название.

Лидия Яковлевна, когда я пришла в библиотеку, была ведущим работником отдела обработки, фактически руководителем отдела. Я уже писала в статье о Вейцмане, что

³ Недаром, при первом же знакомстве, он дал мне не только дополнительные хлебные карточки, но и талон на платье (!)

⁴ Ю. Э. Масальская, рассказывала мне о том, как Вейцман поддерживал в коллективе здоровый дух. Если кто-то из сотрудников жаловался ему на другого, он приглашал обоих к себе и говорил, жалобщику "А теперь повтори здесь то, что говорил мне о нем". Т.о., он не допускал никаких сплетен в коллективе. (Л. Штавадакер - далее Л.Ш.)

незадолго до моего приезда умер зав. отделом, и Лидия Яковлевна, отказавшись от должности заведующей, практически возглавила работу отдела. По правде сказать, у меня хватило ума понять разницу в уровне ее знаний и моих, и на первых порах я только училась у нее. Вейцман однажды с досадой сказал мне: "Не забывайте, Дора Константиновна, что заведующая отделом — Жак, а не Горцева".

Основным участком ее работы и предметом ее неустанной заботы был генеральный алфавитный каталог, и надо сказать, сколько я впоследствии ни ездила по областным библиотекам, такого прекрасного алфавитного каталога не видела нигде. Конечно, надо учесть, что создавался он еще до выхода "Единых правил описания...", до изобретения групповой обработки, и с современной точки зрения в нем можно было бы найти немало огрехов. Да и что с ним стало теперь — не знаю.

Она приходила на работу, садилась за свой столик в проходной комнатке между помещением собственного отдела обработки и залом каталогов и сидела целый день, не поднимая головы и, как будто, ни на что постороннее не отвлекаясь. А между тем, вся жизнь отдела была сосредоточена вокруг нее. Какая-то атмосфера добросовестности и доброжелательности исходила от нее. Я не помню случая, чтобы она когда-нибудь повысила голос, приняла участие в какой-нибудь склоке. Особенно, конечно, я благодарна ей за то, с каким тактом она приняла мое появление, как помогала мне освоиться с работой и с коллективом. И даже если я делала какую-нибудь очередную глупость, умела указать на это очень деликатно, без излишних попреков.

С такой же самоотдачей, хотя и совсем с другим темпераментом, работала Юлия Эдуардовна Масальская. Не знаю, кем она работала в библиотеке до войны. Мне говорила Евгения Исааковна Гинзбург, что во время оккупации ее к работе в библиотеке не допустили, почему — она (Евг. Ис.) не знала. Надо сказать, что Юлия Эдуардовна имела какие-то немецкие корни в происхождении, хотя, конечно, была совершенно русской по языку и культуре. Может быть, это и сыграло какую-то роль, может быть, проявила себя недостаточной "патриоткой - фольксдойче" — не знаю.

В 44-м году она работала заведующей отделом книгохранения. Надо представить себе, какая это была каторжная работа, особенно в те годы, в только что освобожденном, полуразрушенном городе. Часть фондов была рассована в кое-как приспособленных помещениях по всему городу, и если нужно было доставить читателям что-то из этих фондов (а читатели, напомним, — научные работники, и книги им нужны для работы), то сотрудницы отдела (мужчин, конечно, не было) тащили их в мешке за плечами, конечно, пешком. Никакого транспорта у библиотеки не было.

Большая часть фонда была сложена штабелями, то есть, добраться до книг было практически невозможно. А еще трудности с освещением и отоплением.

До сих пор помню горькую фразу Юлии Эдуардовны. С Сельмаша, то есть с другого конца тогдашнего Ростова, пешком пришел какой-то инженер за книгой, которая нужна была ему дозарезу. Юлия Эдуардовна сказала: "Я бы с фонариком (электричество, конечно, не работало) разыскала книгу такому читателю, но как ее достать, когда книги не расставлены, потому что негде их расставлять".

В отличие от Лидии Яковлевны, Юлия Эдуардовна имела довольно бурный темперамент. Ее волновало все, что касалось библиотеки, ее престиж, ее репутация. Но склочничества не было; вообще я как-то не замечала его в библиотеке; может быть потому, что жилось очень трудно всем, и все друг другу помогали, чем могли. Были какие-то нелады в отделе библиографии, но меня это как-то обошло стороной.

Впоследствии Юлия Эдуардовна вышла замуж за приятеля Вейцмана — Михаила Вениаминовича Фейгелевича, был сын Вениамин. Младший брат — Борис Вениаминович — после демобилизации из армии тоже работал в библиотеке: сначала зав. отделом хранения, потом — отделом обработки. Может быть, кто-нибудь из семьи жив, живет в Ростове и сможет дополнить мои достаточно отрывочные и бессвязные заметки.

(Прим.: Юлия Эдуардовна Масальская (5.09.1910-13.03.1982) работала в библиотеке более 45 лет. Будучи тяжело больной, в возрасте, она оформила пенсию, но уйти не смогла (не могла она жить без библиотеки). В 70-е — начале 80-х годов Юлия Эдуардовна возглавляла сектор каталогов отдела обработки и каталогов. У нее были свои читатели, которые шли только к ней в поисках нужной книги, по каталогу и я, библиограф, сталкиваясь с трудными случаями, в поисках книги для читателя, обращалась только к Юлии Эдуардовне. И сейчас в подобных случаях она встает у меня перед глазами — худенькая, быстрая, бесконечно доброжелательная и всезнающая... Многие годы Юлия Эдуардовна возглавляла в библиотеке кассу взаимопомощи, к ней шли со своими бедами и радостями сотрудники разных отделов. И хотя денег в кассе всегда не было, потому что она всех выручала, — она их все равно находила, если помощь была действительно необходима. Каждое утро Юлии Эдуардовны начиналось с того, что она кормила голубей, что слетались на подоконник отдела. Такой я ее вижу до сих пор. - Л.Ш.)

Никита Григорьевич БРИГАДИРОВ

Хочу еще несколько слов сказать о Никите Григорьевиче Бригадирове. В 1944 году он был заместителем директора библиотеки и по совместительству — секретарем парторганизации; а может быть и наоборот: секретарем парторганизации и по совместительству — зам. директора. Во всяком случае, в библиотеку он, как и Вейцман, пришел как партработник; библиотечарем до этого не был и библиотечного дела не знал; думаю, что и не интересовался очень. Это было для него партийное задание: куда партия поставила, там и работал. Как-то он мне рассказывал, что работал в системе социального страхования, когда она была одной из лучших, если не лучшей в мире, и ею можно было гордиться. "А потом, — он махнул рукой, — ее испортили (кажется, он сказал: "испоганили") и я ушел". Не знаю: ушел или пришлось уйти; всякое у нас бывало. Во всяком случае, я почувствовала его боль за любимое дело, что всегда вызывало у меня сочувствие и уважение.

Слышала и читала, что впоследствии он заведовал отделом библиографии и даже стал "известным библиографом". Не знаю, вероятно так, но я пишу о том, что сама знаю. В коллективе его присутствие было мало заметно, не очень его и уважали. Вейцмана побаивались, немного посмеивались, но уважали несомненно, а Бригадиров как-то не играл заметной роли в жизни библиотеки. Мне кажется, что и с Вейцманом у него отношения не очень складывались, хотя прямых столкновений я не припомню.

Не помню, чтобы он кого-нибудь обидел, в чём-то ущемил, но и ярких черт не помню. Вот, пожалуй, только два любопытных момента, которые могу отметить.

Он с сотрудницей Лизой Кундурис ездили по районам области с выставкой книг и лекциями по естественнонаучной и атеистической пропаганде. А надо сказать, что нам он казался тогда глубоким стариком: седой, глухой, лет 60-ти, дед; а нам было лет по 30—40. И вот в одной деревне, после лекции ему стали рассказывать, как одну девушку "присушили" к парню. Сейчас "присушивают" и "привораживают" даже по радио и телевидению, но тогда еще хватало здравого смысла. Однако, как говорится, факт налицо. "А сколько лет девушке?" — спрашивает Никита Григорьевич. "18". — "А парню?" — "20." — "Вот пусть она (ворожея) её ко мне присушит, тогда я поверю, что она это может!" И еще помню, с каким удовольствием 8-го Марта 1946 года (а может быть, 1947-го, не поручусь) он прошел по отделам и объявил, что сегодня мы можем на 2 часа раньше уйти домой. Невозможно сегодняшнему поколению понять, какой это был праздник, возвращение к прежней мирной жизни, к чему-то неожиданно радостному. До сих пор помню это ощущение — иду среди бела дня по весеннему Ростову с букетиком цветов (откуда они у меня взялись? но, ей-богу, были), дышу солнцем, нежданной какой-то свободой.

Я прекрасно понимаю, что это не он сам решил, что было распоряжение или разрешение, но сделал он это с явным удовольствием, и за это ему низкий поклон.